

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>

UDC 94(47)«1917»
LBC 63.3(2)535-414.8

Submitted: 01.09.2021
Accepted: 21.01.2022

FROM THE HISTORY OF CIVIL WAR LANGUAGE DEVELOPMENT: “KORNILOVSHCHINA” AND LEGITIMATION OF POLITICAL VIOLENCE¹

Boris I. Kolonitskii

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Konstantin V. Godunov

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines some of key words used by Russia’s opposing political forces in 1917. *Method.* Using methodological tools of the Cambridge Cambridge school of intellectual history the authors study the meaning of words “Kornilovites”, “Kornilovism” and “Kerenshchina”. The authors study the different contexts of political statements and of political usage of these words. *Analysis.* The rhetorical design of the conflicts that preceded the Kornilov affair influenced the course of this political crisis: people of different views assumed that the crisis is inevitable, and it would take the form of a violent confrontation. Some people even believed that this crisis would develop into a civil war. *Results.* The Kornilov affair was perceived as an outbreak of a the civil war, it changed the discursive situation: for some actors the words “Kornilovites”, “Kornilovism” became a tool for describing political enemies, and all compromises with them were excluded, while for others these words were a sign of forming of their own political identity. In such situation, the positions of supporters of political compromises were weakened, while different scenarios for the political solutions by force acquired many new supporters both “from the left” and “from the right”. Such descriptions and self-descriptions of political opponents justified the use of violence, and it contributed to the country’s slide into the full-scale civil war.

Key words: civil war, “Kerenshchina”, “Kornilovism”, history of concepts, legitimization of violence.

Citation. Kolonitskii B.I., Godunov K.V. From the History of Civil War Language Development: “Kornilovshchina” and Legitimation of Political Violence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 192-202. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ЯЗЫКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: «КОРНИЛОВЩИНА» И ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ¹

Борис Иванович Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Константин Валерьевич Годунов

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые ключевые слова, использовавшиеся противоборствующими политическими силами в 1917 году. Применяя инструментарий, предлагаемый представителями кембриджской истории идей, авторы изучают значения слов «корниловцы», «корниловщина», «керенщина». Изучаются контексты высказываний, политическое использование этих слов. Показано, что риторическое оформление конфликтов, предшествовавших «делу Корнилова», оказало влияние на ход этого политического кризиса: люди разных взглядов предполагали, что неизбежный кризис примет форму силового противостояния, а некоторые считали, что он даже перерастет в гражданскую войну. «Дело Корнилова», воспринимавшееся как начавшаяся гражданская война, изменило дискурсивную ситуацию: для одних слова «корниловцы» и «корниловщина» стали инструментом описания политического врага, исключая компромиссы с ним, для других – знаком формирования собственной политической идентичности. Позиции сторонников компромиссов ослабевали, а сценарии силового решения политических проблем приобретали новых сторонников «слева» и «справа». Подобные описания и самоописания политических оппонентов оправдывали применение насилия, способствуя скатыванию страны в полномасштабную гражданскую войну. *Вклад авторов.* Концепция статьи, написание, редактирование текста – Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов; выявление архивных материалов, сборников документов – Б.И. Колоницкий, выявление газетных материалов – К.В. Годунов.

Ключевые слова: гражданская война, «керенщина», «корниловщина», история понятий, легитимация насилия.

Цитирование. Колоницкий Б. И., Годунов К. В. Из истории разработки языка гражданской войны: «корниловщина» и легитимация политического насилия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 192–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>

Введение. Изучение гражданских войн весьма актуально: большинство современных вооруженных конфликтов представляют собой не межгосударственные столкновения, а боевые действия внутри государственных образований. Возрастает интерес к истории гражданских войн и к истории понятия «гражданская война» [42]. В этом отношении история Российской гражданской войны имеет значение не только для истории государств, появившихся на территории Российской империи. Мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты культурной подготовки гражданской войны, особое внимание уделяя «делу Корнилова».

Методы. Некоторые политологи и социологи скептически относятся к исследованию культурной истории гражданских войн [12, с. 658]. Мы же полагаем, что исследование культуры позволяет понять эскалацию насилия, ибо формы легитимации насилия играют большую роль в возникновении внутренних войн. Вслед за историками идей мы придаем значение контексту политического высказывания и стараемся реконструировать намерения их авторов [43].

Историки разных взглядов признают, что «дело Корнилова» – важный этап подготовки гражданской войны, а некоторые утверждают, что после «дела Корнилова» гражданская вой-

на стала неизбежной [44, р. 154]. Утверждение это не противоречит нашим наблюдениям. Нас будет интересовать история слов, оформляющих и структурирующих разгорающиеся конфликты, сливавшиеся в единый поток большой гражданской войны.

Анализ. В конце лета 1917 г. нарастала поляризация политических сил, происходило дробление базы поддержки Временного правительства. Возникшую после Московского совещания атмосферу можно назвать «предчувствием гражданской войны»: люди разных взглядов ожидали, что кризис примет форму силового противостояния, некоторые считали, что он перерастет в гражданскую войну. Центром сплочения одного лагеря был Л.Г. Корнилов. Другой лагерь, Советы и комитеты, контролировавшийся умеренными социалистами, не имел общепризнанного лидера, олицетворяющего их курс. Керенский переставал быть фигурой общенационального сплочения, он все меньше играл роль символа позитивной политической идентификации, но образ врага для «комитетского класса» был персонафицирован: комитетчики готовились к борьбе с Корниловым.

27 августа стало известно о конфликте между Ставкой Верховного главнокомандующего и Временным правительством, пополз-

ли слухи, затем последовали официальные правительственные заявления и ответные воззвания Корнилова.

Участники конфликта писали об угрозе гражданской войны и объясняли свои действия желанием ее предотвратить, это было присуще и сторонникам Корнилова, и его противникам. Нередко кризис воспринимался и описывался как уже начавшаяся гражданская война [29]. Опыт восприятия кризиса как гражданской войны был необычайно важен для современников, он придавал особый смысл описаниям конфликта [15].

Кризис часто персонифицировался, описывался как конфликт Керенского и Корнилова. При этом слово «керенцы» встречалось редко, хотя некоторые противники Корнилова выражали поддержку главе правительства. Заместитель министра-председателя Н.В. Некрасов заявил: «Весь вопрос сконцентрировался на личности А.Ф. Керенского, отстаивавшего революцию, и Корнилова, защищающего реакцию. Определенно выяснилось, что вся страна с А.Ф. Керенским» [1]. Даже радикально настроенный Центральный комитет Балтийского флота выдвинул лозунг: «Всеми средствами поддержим Керенского, опирающегося на Советы» [32, с. 151–153]. Однако Керенский не стал важнейшим символом противостояния – в отличие от Корнилова. Для этого было несколько причин.

Хотя Корнилов публично обвинил Керенского в «провокации», а все же в пропаганде «корниловцев» главным врагом был «большевизм», Керенский выглядел скорее жертвой «большевиков», но не основным противником.

К тому же фронт борьбы с Корниловым не был лишен внутренних противоречий. Одни комитеты выражали поддержку Керенскому, но другие противники генерала считали главу правительства противником, лишь на время откладывая борьбу с ним. В.И. Ленин и вместе с тем независимо от него некоторые лидеры большевиков поддерживали такую тактику. Ленин писал в ЦК партии: «Мы будем воевать с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость»; «...не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем... разьяснять наро-

ду (борющемся против Корнилова) слабость и шатания Керенского» [18, с. 119, 120]. Некоторые видные большевики даже заявляли, что Керенский представляет большую опасность, чем Корнилов, открытый враг, такую точку зрения высказал на заседании Петербургского комитета большевиков М.И. Калинин [26, с. 413–414].

Слово «корниловцы» в дни кризиса звучало часто, его активно использовали политические оппоненты генерала, обвинявшие его в развязывании гражданской войны.

Умеренные социалисты, описывая действия Корнилова, использовали слово «заговор», в документах меньшевиков это слово встречалось особенно часто [22, с. 76, 113, 115, 116, 120, 122, 123, 126, 133, 135, 137, 138, 145, 155, 173, 174, 194, 195, 197]). Порой меньшевики писали о «восстании Корнилова», «мятеже Корнилова» [22, с. 120, 121, 141, 146, 156, 178], реже – о «междоусобии», «братоубийственной войне», «измене», «авантюре» Корнилова [22, с. 119, 121, 127, 128].

Противники генерала именовали его «мятежником», «изменником», «предателем», «контрреволюционером», «авантюристом». Обращение руководства большевиков обличало «врага народа, предателя революции, убийцу свободы», «ставленника помещиков и буржуазии» [14; 28, с. 221].

Сторонники Корнилова именовались «врагами народа», словосочетание встречается и в большевистских изданиях [4], и в публикациях умеренных социалистов, и в заявлениях социалистических партий [10; 25; 37; 38].

«Корниловцами» называли политиков и военачальников, поддержавших генерала. Так именовали и тех, кто не проявлял себя активно, но сочувствовал Корнилову. Подобное обвинение адресовалось конституционным демократам, хотя по отношению к выступлению генерала в партии не было единства. В газете «правых» меньшевиков, выступавших за коалицию с «буржуазией», кадеты описывались как инициаторы гражданской войны [13]. В издании «правых» эсеров социолог П.А. Сорокин писал об «идейных подстрекателях и виновниках преступнейшего заговора», подразумевая представителей кадетов, которых он назвал «корниловскими патриотами», создавшими «почву для корниловщины» [35]. На пуб-

ликацию с одобрением сослалась центральная партийная газета, нередко критиковавшая «правых» эсеров [23].

Обвинение в поддержке Корнилова высказывалось и в адрес целых социальных групп, прежде всего «буржуазии». Резолюция, принятая петроградскими меньшевиками, гласила: «Борьба за власть, которая ведется между контрреволюционной капиталистической буржуазией и демократией, нашла свое выражение в корниловском мятеже» [22, с. 156]. Подобная риторика могла использоваться для борьбы против любой группы, именуемой «буржуазной». Особенно жестко антибуржуазную риторику использовали большевики. Резолюция I областной конференции организаций РСДРП в Финляндии, состоявшейся 28–30 сентября 1917 г., гласила: «Корниловский мятеж отметил собою начало открытой гражданской войны, на путь которой встала буржуазия» [33, с. 109].

Язык класса использовали не только левые радикалы. О том, что за Корниловым стоит «организованная цензовая Россия», писал лидер «правого» меньшевизма А.Н. Потресов [30].

Использовалось словосочетание «тайные корниловцы». «Правый» эсер писал: «Теперь, когда корниловский мятеж на пути к окончательной и притом бескровной ликвидации, когда явные корниловцы один за другим подвергаются аресту и преданию суду – к вам, фланирующие по Невскому, сидящие в канцеляриях, штабах, управлениях, банках, контрактах и барских особняках, к вам, тайные друзья, пассивные воздыхатели корниловцев и им подобных, пора обратиться со словом разумного увещания» [24].

Первоначально лидеры меньшевиков и эсеров высказывались против новой коалиции с «буржуазией», против вхождения в правительство конституционных демократов. Затем они изменили позицию, Керенский воссоздал Временное правительство на коалиционной основе, но опыт «корниловских дней» повлиял и на состав кабинета, и на отношение к нему: ни один видный представитель какой-либо партии не вошел в правительство (исключением был сам Керенский). Поддержка последнего Временного правительства партиями, которые его образовали, была условной.

Слово «корниловцы» порой было синонимом слов «контрреволюционеры», «мятежники». Иногда генералу адресовали и обвинение в «монархической контрреволюции». Корнилов не был монархистом, хотя вопрос о государственном устройстве России для него не являлся приоритетным: главным было возрождение военной мощи державы и победа в мировой войне.

Генерала обвиняли в сотрудничестве с внешним врагом, вспоминали бегство Корнилова из австрийского плена, недоброжелатели утверждали, что он был заслан в Россию противником. Другие упоминали о захвате немцами Риги в августе 1917 г., генерала обвиняли в содействии врагу. Слово «корниловцы» получало дополнительное значение: ранее «большевиков» их противники описывали как агентов германского правительства, теперь подобные обвинения были переадресованы «корниловцам».

Словосочетания «корниловский мятеж», «корниловский заговор», «корниловская авантюра» использовали большевики, умеренные социалисты, слово «мятеж» встречалось в правительственных заявлениях. Для обозначения мятежа использовался новый термин – «корниловщина». В главной газете социалстов-революционеров «Дело народа» это слово появляется уже 28 августа.

Порой «корниловщина» рассматривалась как явление, продолжавшее существовать и после ареста генерала. Социал-демократ К.И. Фельдман, защищая новое соглашение с «буржуазией», писал: «...одно дело победить ген. Корнилова, а другое – разбить Корниловщину... Победить корниловщину может одна только твердая власть, в которой будут широко представлены все классы русской общности. Изжить корниловщину может одна только национальная политика, вдохновляемая пламенным порывом спасти революцию и защитить страну» [40].

Ликвидации «корниловщины» – но с помощью решительного ее подавления – требовали другие социалисты: «Корниловщина должна быть вырвана с корнем», – заявлял 4 сентября Исполком Западного фронта [16, л. 105]. О том же в разгар кризиса писала газета московских «правых» эсеров: «...если будет арестован Корнилов, если будет подавлен

этот мятеж против революции, корниловщина в целом еще не будет раздавлена. Ибо слишком много корниловцев останется на свободе и, затаив свою злобу и вражду к революции, они по-прежнему будут ткать свои сети, и ждут более удобного момента для нового покушения на революцию. И если только сплочением трудового народа удалось в данное время обособить мятежников, то, очевидно, и для дальнейшей борьбы с корниловщиной прежде всего необходима все та же сплоченность и единение в рядах демократии» [9].

Если одни социалисты призывали бороться с «корниловщиной», усиливая борьбу с «буржуазией», то «правые» социалисты предлагали новую коалицию – но и те, и другие рассматривали «корниловщину» как актуальную опасность.

Серьезность обвинений в адрес «корниловцев» в глазах части революционеров оправдывала применение насилия. Неудивительно, что 31 августа появились сообщения о том, что бывшие заключенные Шлиссельбургской тюрьмы создают особый «каторжный» батальон «Смерть корниловцам» [17, с. 56]. Атмосфера ненависти к «корниловцам» провоцировала политическое насилие; в Гельсингфорсе, Або и Выборге были убиты офицеры, заподозренные в сочувствии к Корнилову. Левые социалисты не оправдывали убийц, но объясняли их мотивы: «Когда убивали невинных или заподозренных офицеров, темную массу нельзя было остановить, потому что слово “Корнилов” давало кажущееся оправдание любым подозрениям и любым методам борьбы» [5].

Хотя чаще всего «корниловщиной» именовали события конца августа – начала сентября, но и впоследствии слово использовалось, в том числе и для характеристики следствия по делу Корнилова. Социалист, работавший в Ставке верховного главнокомандующего, писал: «...возникают опасения, что разветвления заговора будут отрезаны от корней и язва корниловщины по-прежнему будут разъедать армию». Автор встречал немало поклонников арестованного генерала: «...корниловщина не умерла, на это нельзя закрывать глаза» [7, т. 1, с. 98–99].

Часто осень 1917 г. именуют временем «большевизации». Это не вполне точно: влия-

ние партии возрастало, но это был не единственный канал политической радикализации: росло влияние левых эсеров, анархистов, максималистов, интернационалистов, радикальных национальных социалистов. Все чаще радикалов поддерживали и беспартийные в своем большинстве члены всевозможных комитетов и Советов. Радикализация имела и непартийные формы: обострялись социальные, этнические и религиозные конфликты. Многие современники, в том числе сторонники арестованного генерала Корнилова, описывали эти сложные процессы как «большевизацию».

Актуальной была и борьба вокруг Корнилова и его сторонников. Борцы с «корниловщиной» требовали предания «мятежников» военно-революционному суду. Эта чрезвычайная процедура могла повлечь быстрое вынесение смертного приговора без права его пересмотра. Сторонники генерала инициировали пропагандистскую кампанию в защиту Корнилова, которая переросла в кампанию по его прославлению. В начале октября генерал С.Л. Марков, находившийся под арестом, писал в дневнике: «Газеты переполнены нашим делом. Шум поднялся невероятный. Кер[енского] ругают все» [21, с. 81].

Некоторые политики заявляли о солидарности с генералом, публично называли себя «корниловцами». Н.В. Устрялов описывал атмосферу, царившую на совещании общественных деятелей в октябре: «Как популярен Корнилов среди всех этих элементов! И как быстро исчезают последние остатки популярности Керенского! Лицом к лицу остаются большевики и корниловцы. Не миновать соответствующих событий» [39, с. 151]. Устрялову могло запомниться выступление И.А. Ильина, который заявил: «...партия развала имеет сейчас своего вождя – А.Ф. Керенского, а вождем партии порядка должен был стать генерал Л.Г. Корнилов» [11]. Согласно другим отчетам, философ сказал: «Пришло время открыто сказать, что мы ныне – контрреволюционеры. Мы – корниловцы и контрреволюционеры!» [34].

Речь Ильина отражала важные политические процессы: противники Керенского, критиковавшие его справа, использовали слово «корниловцы» для самоназвания, противопос-

тавляя себя главе правительства, оппозиция Керенского и Корнилова была распространена осенью 1917 г. Генерал А.И. Деникин вспоминал: «Как бы то ни было, после августовских дней появился новый термин «корниловцы». Он применялся и в армии, и в народе, произносился с гордостью или возмущением, не имел еще ясных форм, ни строго определенного политического содержания, но выражал собою, во всяком случае, резкий протест против существовавшего режима и против того комплекса явлений, который получил наименование “керенщины”» [8, с. 81–82].

Термин «корниловщина» имел первоначально негативное значение, употребление его вызывало возражения у людей, симпатизирующих генералу. Автор кадетской «Речи» счел слово неточным и безвкусным [6]. Однако вскоре слово приобрело саркастический оттенок, обозначая «грандиозное, нелепейшее недоразумение», которое возникло вследствие безответственных действий Керенского. Автор консервативного «Нового времени» писал: «В результате всей “корниловщины” по отношению к самому Корнилову, согласно следственному производству, остается лишь обвинение в неисполнении распоряжений Временного правительства о сложении полномочий Верховного командования» [3].

Сторонники Корнилова использовали слово «корниловщина» для самохарактеристики. Генерал И.П. Романовский, находившийся в заключении вместе с Корниловым, сделал 4 октября запись: «Могут расстрелять Корнилова, отправить на каторгу его соучастников, но “корниловщина” в России не погибнет, так как “корниловщина” – это любовь к родине, желание спасти Россию, и эти высокие побуждения не забросать никакою грязью, не затоптать никаким ненавистникам России» [7, т. 2, с. 523].

Солидарность с «корниловщиной» встречалась и в публичных заявлениях. На казачьем Круге, состоявшемся 3 сентября в Новочеркасске, звучали слова: «Корнилов уничтожен, но пусть знают, что Корниловщина будет жить, т.е. спасение Родины в такой ужасный момент. Этого у нас никто не вырвет» [17, с. 182]. Для политических сил, считавших Корнилова «мятежником» и инициатором гражданской войны, это был явный вызов.

Для одних генерал, находившийся в заключении, оставался героем и вождем, для других он был мятежником, подлежащим наказанию. Такие настроения были распространены на фронте, их фиксировали правительственные комиссары различных армий: «...большинство солдат, с которыми мне пришлось беседовать, настаивают на применении смертной казни к изменникам генералу Корнилову и соучастникам его мятежа», – сообщал комиссар 11-й армии [36, л. 1].

«Дело Корнилова» создало новую дискурсивную ситуацию: страна делилась на «корниловцев» и их противников, в рядах последних не было согласия, но все они считали «корниловщину» наибольшим злом, а Корнилова – непримиримым врагом. Не было единства и у противников «большевизма», которых раскалывало разное отношение к «корниловцам».

Большевики успешно использовали риторические инструменты, созданные не только ими в дни «корниловщины». Разоблачения по «делу Корнилова» все больше затрагивали и Керенского, стало известно, что «корниловщине» предшествовало секретное соглашение генерала и главы Временного правительства, которое было направлено не только против большевиков, но и против Советов и комитетов, а значит против меньшевиков и социалистов-революционеров. Чернов критиковал Керенского и требовал дальнейшего расследования [41]. Руководство эсеров пыталось приостановить публикацию новых статей на эту болезную для партии тему, но полностью «замолчать» ее было невозможно. Разоблачения по «делу Корнилова» раскалывали умеренных социалистов. Это способствовало успеху большевиков и затрудняло положение Временного правительства.

Большевики все более расширительно использовали слова «корниловцы» и «корниловщина», применяя его и к тем силам, которые никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Корнилову: любая политическая атака на большевиков рассматривалась ими как происки «корниловцев», чуть ли не каждый политический оппонент описывался как пособник «корниловщины». Эта тема стала важным инструментом политической мобилизации. Ленин назвал Керенского «корниловцем», рассорившимся с Корниловым случайно и продолжающим быть «...в интим-

нейшем союзе с другими корниловцами» [19, с. 250]. Лидер большевиков напоминал: «...Керенский был и остается самым опасным корниловцем...» [20, с. 349].

Большевики обвиняли Керенского в подготовке новой «корниловщины», «керенщина» описывалась как союзник «корниловщины»: «Это кольцо (Северный район) не только защищает Петроград от корниловщины и керенщины, но если понадобится, может выделить из себя подмогу Петрограду, имея в своих руках боевые и транспортные средства», – писала в конце сентября большевистская газета (цит. по: [27, с. 112]).

Керенского и «корниловцев» пропаганда левых социалистов обвиняла в развязывании гражданской войны. Резолюция, принятая рабочими нескольких предприятий Самары, гласила: «Рассматривая сдачу о. Эзеля и план сдачи Петрограда, как подготовку к новому корниловскому выступлению против революции со стороны международной буржуазии, помещиков и царских генералов, признавая, что мы переживаем момент начала открытия гражданской войны с буржуазией, мы заявляем, что самым решительным образом и средствами будем поддерживать революционный Петроград в его борьбе за захват власти в руки Советов» [2, с. 250–251].

Большевики обвиняли «личный режим» Керенского в том, что он спровоцировал «корниловщину» своим бездействием в предшествующие месяцы. Декларация большевистской фракции от 18 сентября, оглашенная на Демократическом совещании, гласила: «...после жалких деяний личного режима, приведшего непосредственного к корниловщине, перед движущими силами революции снова поставлен ребром вопрос о власти» [33, с. 59–60]. Резолюция обвиняла Временное правительство и в том, что оно готово было капитулировать перед Корниловым: «...Временное правительство навсегда опорочило себя перед судом народа и истории, в одной своей части – прямым пособничеством корниловщине, в другой – готовностью передать в руки Корнилова завоевания революции». Наконец, Керенский и его союзники обвинялись большевиками в подготовке гражданской войны: «Только тот, кто хочет вызвать гражданскую войну во что бы то ни стало, чтобы затем

обрушить ответственность за нее на рабочие массы и на нашу партию, может после всего проделанного опыта предлагать демократии заключение нового союза с контрреволюционной буржуазией» [33, с. 60, 63].

Готовясь к силовому противостоянию с правительством, Ленин и его сторонники обвиняли своих противников в подготовке гражданской войны, используя риторику, созданную и испробованную во время «корниловщины».

Результаты. Корнилов стал важным символом определенного политического течения, а слова «корниловцы» и «корниловщина» закрепились в политическом языке. Наметилось несколько непреодолимых линий раскола. Социалисты разного толка видели спасение страны в решительном подавлении «корниловцев». Не все были настроены столь радикально, однако и многие противники большевиков не могли представить себя союзниками «корниловцев».

Продолжали раздаваться и призывы к созданию единого фронта борьбы против «большевизма», но такое объединение было невозможно и в силу различного отношения к «корниловщине», и по причине расширительного толкования понятия «большевизм»: «большевиками» нередко именовали не только сторонников Ленина, но и умеренных социалистов, которые активно боролись с большевиками.

Линии раскола, возникшие в «корниловские дни», оставляли мало возможности для сил, пытавшихся в сложных условиях укрепить гражданский мир. Возрастали шансы тех, кто готовился к разрешению политических проблем силовыми методами.

Во время «корниловщины», в условиях кризиса, субъективно воспринимавшегося как уже начавшаяся гражданская война, были разработаны некоторые ключевые понятия языка гражданской войны. Эти слова оказались пригодными для легитимации политического насилия и описания разнообразных конфликтов, сложный комплекс которых образовал явление, вошедшее в историю как Российская гражданская война.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00369)

«Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны»).

The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 20-18-00369 “The processes of legitimization of violence: conflict cultures in Russia and the escalation of Civil War”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседа с Н. В. Некрасовым // Воля народа. – 1917. – 30 авг.
2. Блюменталь, И. И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии (Хроника событий). Самара, 1927. Т. 1 : 1917 год (март–декабрь) / И. И. Блюменталь. – Самара : Изд-во Самарского Губкома ВКП(б), 1927. – 442 с.
3. Б-т, Ф. Странности // Новое время. – 1917. – 24 сент.
4. В рабочих районах // Рабочий. – 1917. – 30 авг.
5. Вольский, Ст. Корниловщина // Новая жизнь. – 1917. – 30 сент.
6. Г-н М. К делу ген. Корнилова // Речь. – 1917. – 27 сент.
7. Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках (Август 1917 г. – июль 1918 г.) : в 2 т. – М. : МФД ; Материк, 2003. – Т. 1. – 565 с. ; Т. 2. – 590 с.
8. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : в 2 т. / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – Т. 2. – 400 с.
9. Ив. Б-ов. Еще об корниловщине // Земля и воля. – 1917. – 31 авг.
10. Ив. Б-ов. О корниловщине и диктатуре // Земля и воля. – 1917. – 29 авг.
11. [Ильин, И. А.] Речь И.А. Ильина на 2-м московском совещании общественных деятелей // Утро России. – 1917. – 13 окт.
12. Каливас, С. Логика насилия в гражданской войне / С. Каливас. – М. : Фонд содействия актуальным историческим исследованиям Историческая память : Пятый Рим, 2019. – 780 с.
13. Канторович, В. В открытую // День. – 1917. – 30 авг.
14. Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда // Рабочий. – 1917. – 30 авг.
15. Колоницкий, Б. И. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса / Б. И. Колоницкий, К. В. Годунов // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2021. – № 3. – С. 78–87.
16. Копии протоколов заседаний членов Исполнительного комитета Западного фронта // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 35-П. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 103–107.
17. Корниловские дни: бюллетени Временного военного комитета при ЦИК Исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов с 28 авг. по 4 сент. 1917 г. – Пг.: Союз социалистов Нар. армии, 1917. – 189 с.
18. Ленин, В. И. В Центральном комитете РСДРП // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 119–121.
19. Ленин, В. И. О героях подлога и ошибках большевиков // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 248–256.
20. Ленин, В. И. Письмо питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 347–350.
21. Марков, С. Л. «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь – какой ценой?». Выдержки из дневника генерала С.Л. Маркова за 1917 г. / С. Л. Марков // Связь эпох. – 2018. – № 1. – С. 65–86.
22. Меньшевики в 1917 году. – М. : РОССПЭН, 1996. – 447 с.
23. Надгробный венок // Дело народа. – 1917. – 31 авг.
24. Огановский, Н. К тайным корниловцам / Н. Огановский // Воля народа. – 1917. – 31 августа.
25. Ольгин, В. Соглашение необходимо / В. Ольгин // Единство. – 1917. – 29 авг.
26. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. – СПб. : Бельведер, 2003. – 684 с.
27. Петров, М. А. Большевизация южных баз Балтийского флота в 1917 году / М. А. Петров. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. – 136 с.
28. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). Т. IV: 3 июля – 25 октября 1917 года. – М. : РОССПЭН, 2003. – 613 с.
29. Плеханов, Г. Что делать? / Г. Плеханов // Единство. – 1917. – 29 авг.
30. [Потресов, А. Н.] Да не будет этого! / А. Н. Потресов // День. – 1917. – 29 авг.
31. Потресов, А. Н. Урок событий / А. Н. Потресов // День. – 1917. – 30 авг.
32. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). – М. ; Л. : Изд-во Академии наук, 1963. – 479 с.
33. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 631 с.
34. Совет контр-революции // Дело народа. – 1917. – 15 окт.

35. Сорокин, П. Соучастники и вдохновители заговора / П. Сорокин // Воля народа. – 1917. – 30 авг.
36. Телеграмма комиссара XI армии А. Чеботило и помощника комиссара М. Цветкова военному министру, ЦИК, Совету крестьянских депутатов, верховному главнокомандующему, комиссару при ставке верховного главнокомандующего, комиссарам Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов, комиссарам 1, 7 и Особой армий // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. – Оп. 4. – Д. 36. – Л. 1–2.
37. Товарищи-граждане! // Труд. – 1917. – 29 авг.
38. Товарищи и Граждане // Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 29 авг.
39. Устрялов, Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи / Н.В. Устрялов. – М.: АНКИЛ, 2000. – 246 с.
40. Фельдман, К. Время не ждет / К. Фельдман // Единство. – 1917. – 30 авг.
41. Чернов, В. Корнилов и корниловщина / В. Чернов // Дело народа. – 1917. – 3 сент.
42. Armitage, D. Civil Wars: A History in Ideas / D. Armitage. – New York: Alfred Knopf, 2017. – 349 p.
43. Skinner, Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – P. 68–78.
44. Smith, S. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928 / S. Smith. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2017. – 455 p.

REFERENCES

1. Beseda s N.V. Nekrasovym [Conversation with N.V. Nekrasov]. *Volia naroda*, 1917, August 30.
2. Bliumental I.I. *Revoliutsiia 1917–1918 gg. v Samarskoi gubernii (Khronika sobytii)* [The Revolution of 1917–1918 in the Samara Province (Chronicle of Events)]. Samara, 1927. Vol. 1: 1917 god (March – December). Samara, Izd-vo Samarskogo Gubkoma VKP(b), 1927. 442 p.
3. B-t F. Strannosti [Oddities]. *Novoe vremia*, 1917, September 24.
4. V rabochikh raionakh [In Working-Class Areas]. *Rabochii*, 1917, August 30.
5. Volskii St. Kornilovshchina. *Novaia zhizn*, 1917, September 30.
6. G-n M. K delu gen. Kornilova [To the Gen. Kornilov Affair]. *Rech*, 1917, September 27.
7. *Delo generala L.G. Kornilova: Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii po rassledovaniiu dela o byvshem Verkhovnom*

glavnokomanduiushchem generale L.G. Kornilove i ego souchastnikakh (Avgust 1917 g. – iul 1918 g.) [Materials of the Extraordinary Investigative Commission to Investigate the Case of the Former Supreme Commander-in-Chief General L.G. Kornilov and his Accomplices (August 1917–July 1918)]. Moscow, MFD, Materik Publ., 2003, vol. 1. 565 p., vol. 2. 590 p.

8. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty: v 2 t. T. 2* [Essays on the Russian Troubles. In 2 Vols. Vol. 2]. Minsk, Kharvest Publ., 2002. 400 p.
9. Iv. B-ov. Eshche ob kornilovshchine [More About Kornilovshchina]. *Zemlia i volia*, 1917, August 31.
10. Iv. B-ov. O kornilovshchine i diktature [About Kornilovshchina and the Dictatorship]. *Zemlia i volia*, 1917, August 29.
11. [Ilin I.A.] Rech I.A. Plina na 2-m moskovskom soveshchanii obshchestvennykh deiatelei [I.A. Ilyin's Speech at the 2nd Moscow Meeting of Public Figures]. *Utro Rossii*, 1917, October 13.
12. Kalivas S. *Logika nasiliia v grazhdanskoi voine* [The Logic of Violence in Civil War]. Moscow, Fond sodeistviia aktualnym istoricheskim issledovaniiam Istoricheskaiia pamiat; Piatyi Rim Publ., 2019. 780 p.
13. Kantorovich V. V otkrytiu [In the Open]. *Den*, 1917, August 30.
14. Ko vsem trudiashchimsia, ko vsem rabochim i soldatam Petrograda [To All the Working People, to All the Workers and Soldiers of Petrograd]. *Rabochii*, 1917, August 30.
15. Kolonitskii B.I., Godunov K.V. «Kornilovshchina» kak «grazhdanskaia voina»: ispolzovanie poniatiia v usloviakh politicheskogo krizisa [“Kornilovshchina” as a «Civil war»: the Application of the Concept in the Context of a Political Crisis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2021, no. 3, pp. 78–87.
16. Kopii protokolov zasedanii chlenov Ispolnitel'nogo komiteta Zapadnogo fronta [Copies of Minutes of Meetings of Members of the Executive Committee of the Western Front]. *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Belarus* [National Archive of the Republic of Belarus], f. 35-P, op. 1, d. 2, l. 103–107.
17. *Kornilovskie dni: biulleteni Vremennogo voennogo komiteta pri TsIK Ispolnitelnogo komiteta Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov s 28 avg. po 4 sent. 1917 g.* [Kornilov Days: Bulletins of the Provisional Military Committee Under the CEC of the Executive Committee of the Soviets of Workers and Soldiers' Deputies from 28 Aug. to 4 Sep. 1917]. Petrograd, Soiuz sotsialistov Nar. armii, 1917. 189 p.
18. Lenin V.I. V Tsentralnyi komitet RSDRP [To the Central Committee of the RSDLP]. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 34, pp. 119–121.
19. Lenin V.I. O geroiakh podloga i oshibkakh bolshevikov [About the Heroes of Forgery and the Mistakes of the Bolsheviks]. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 34, pp. 248–256.

20. Lenin V.I. Pismo piterskoi gorodskoi konferentsii dlia prochteniia na zakrytom zasedanii [Letter of the St. Petersburg City Conference for Reading at a Closed Meeting]. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 34, pp. 347-350.
21. Markov S.L. «Ia veriu, chto vse budet khorosho, no boius – kakoi tsenoi?». Vyderzhki iz dnevnika generala S.L. Markova za 1917 g. *Sviaz epokh*, 2018, no. 1, pp. 65-86.
22. *Mensheviki v 1917 godu* [The Mensheviks in 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 447 p.
23. Nadgrobnii venok [Tombstone Wreath]. *Delo naroda*, 1917, August 31.
24. Oganovskii N. K tainym kornilovtsam [To the Secret Kornilovtsy]. *Volia naroda*, 1917, August 31.
25. Olgin V. Soglashenie neobkhodimo [The Agreement is Necessary]. *Edinstvo*, 1917, August 29.
26. Peterburgskii komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedanii [The St. Petersburg Committee of the RSDLP(b) in 1917: Minutes and Materials of Meetings]. Saint Petersburg, Belveder Publ., 2003. 684 p.
27. Petrov M.A. *Bolshevizatsiia iuzhnykh baz Baltiiskogo flota v 1917 godu* [Bolshevization of the Southern Bases of the Baltic Fleet in 1917]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1981. 136 p.
28. *Petrogradskii Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu. Protokoly, stenogrammy i otchety, rezoliutsii, postanovleniia obshchikh sobranii, sobranii sektsii, zasedanii Iсполnitelnogo komiteta i fraktsii (27 fevralia – 25 oktiabria 1917 goda). T. IV: 3 iulia – 25 oktiabria 1917 goda* [The Petrograd Soviet of Workers and Soldiers Deputies in 1917. Minutes, Transcripts and Reports, Resolutions, Resolutions of General Meetings, Meetings of Sections, Meetings of the Executive Committee and Factions (February 27–October 25, 1917). Vol. IV: July 3 – October 25, 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 613 p.
29. Plekhanov G. Chto delat? [What to Do?]. *Edinstvo*, 1917, August 29.
30. [Potresov A.N.] Da ne budet etogo! [Let This not Happen!]. *Den*, 1917, August 29.
31. Potresov A.N. Urok sobytii [Event Lesson]. *Den*, 1917, August 30.
32. *Protokoly i postanovleniia Tsentralnogo komiteta Baltiiskogo flota (1917–1918)* [Protocols and Resolutions of the Central Committee of the Baltic Fleet (1917–1918)]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk, 1963. 479 p.
33. *Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v sentyabre 1917 g. Obshchenatsionalnyi krizis* [The Revolutionary Movement in Russia in September 1917 Nationwide Crisis]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 631 p.
34. Sovet kontr-revoliutsii [The Council of Counter-Revolution]. *Delo naroda*, 1917, October 15.
35. Sorokin P. Souchastniki i vdokhnoviteli zagovora [Accomplices and Masterminds of the Conspiracy]. *Volia naroda*, 1917, August 30.
36. Telegramma komissara XI armii A. Chekotilo i pomoshhnika komissara M. Cvetkova voennomu ministru, CIK, Sovetu krest'janskikh deputatov, verhovnomu glavnokomandujushhemu, komissaru pri stavke verhovnogo glavnokomandujushhego, komissaram Severnogo, Zapadnogo, Jugo-Zapadnogo, Rumynskogo i Kavkazskogo frontov, komissaram 1, 7 i Osoboj armij [Telegram of the Commissar of the XI Army A. Chekotilo and Assistant Commissar M. Tsvetkov to the Minister of War, the Central Executive Committee, the Council of Peasant Deputies, the Supreme Commander-in-Chief, the Commissar at the Headquarters of the Supreme Commander, the Commissars of the Northern, Western, Southwestern, Romanian and Caucasian Fronts, Commissars of the 1st, 7th and Special Armies]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [The Russian State Military Historical Archive], f. 2003, inv. 4, d. 36, l. 1-2.
37. Tovarishchi-grazhdane! [Fellow Citizens!]. *Trud*, 1917, August 29.
38. Tovarishchi i Grazhdane [Comrades and Citizens!]. *Izvestiia Tsentralnogo Iсполnitelnogo komiteta i Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*, 1917, 29 August.
39. Ustrialov N. V. *Byloe – revoliutsiia 1917 g. (1890-e – 1919 gg.): Vospominaniia i dnevnikovye zapisi* [The past – the Revolution of 1917 (1890s–1919): Memoirs and Diary Entries]. Moscow, ANKIL Publ., 2000. 246 p.
40. Feldman K. Vremia ne zhdet [Time is Running out]. *Edinstvo*, 1917, August 30.
41. Chernov V. Kornilov i kornilovshchina [Kornilov and Kornilovshchina]. *Delo naroda*, 1917, September 3.
42. Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New York, Alfred Knopf, 2017. 349 p.
43. Skinner Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts. *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Princeton, Princeton University Press, 1988, pp. 68-78.
44. Smith S. *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2017. 455 p.

Information About the Authors

Boris I. Kolonitskii, Doctor of Sciences (History), Professor, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1 191187 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

Konstantin V. Godunov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

Информация об авторах

Борис Иванович Колоницкий, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

Константин Валерьевич Годунов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>